

– А что вы мне дадите, чтобы я молчал?

Бернар дю Га, который, как оказалось, не столько действительно испугался, сколько притворился испуганным, увидев, что секретарь собрался попросту его обмануть, обещал, что пришлет ему окорок отменной гасконской ветчины, какой тот никогда не едал.

Секретарь очень обрадовался и просил его приготовить этот окорок к следующему воскресенью и прислать его после обеда, что купец и обещал. Уверенный, что купец сдержит свое обещание, секретарь отправился к одной парижской даме, за которой он ухаживал и на которой очень хотел жениться, и сказал:

– Сударыня, позвольте мне прийти в воскресенье поужинать с вами и припасите только хлеба и доброго вина, еды никакой не надо – я так ловко обманул одного олуха из Байонны, что ужинать мы будем за его счет. И я угощу вас отборной гасконской ветчиной, какой еще никогда не пробовали в Париже.

Дама поверила ему и, пригласив на ужин нескольких соседок, женщин весьма достойных, обещала угостить их новым блюдом, которого они никогда в жизни не ели.

В воскресенье секретарь отправился искать купца и нашел его на Мосту Менял, Поздоровавшись с ним, он сказал:

– Черт бы вас побрал, насилу я вас разыскал!

На это Бернар дю Га ответил ему, что многим приходится затрачивать еще больше сил и они не получают в награду такого лакомого куска. С этими словами он вынул из-под плаща обещанный окорок, который был так велик, что его, вероятно, хватило бы, чтобы накормить целый отряд солдат. Секретарь очень обрадовался: он сложил свои большие и безобразные губы в такую умильную улыбку, что рот его сделался совсем маленьким и трудно было поверить, что в него пройдет и кусочек ветчины. Он тут же схватил окорок и, даже не пригласив купца, побежал к своей даме, которой очень хотелось узнать, действительно ли гвиенские яства не уступают парижским.

Когда сели ужинать и был подан суп, секретарь сказал:

– Все это нам уже давно приелось, давайте-ка отведаем лучше то, что поострее.

И с этими словами он стал было разрезать огромный, запеченный в тесто окорок, рассчитывая, что под тестом окажется ветчина. Но окорок оказался настолько жестким, что разрезать ножом его так и не удалось. После нескольких попыток секретарю пришлось признать, что его обманули и вместо настоящего окорока в тесто запекли большой деревянный башмак, из таких, какие носят в Гаскони. К нему была приделана головешка, и все было посыпано селитрой и какими-то пряностями с весьма приятным запахом. До чего же обидно было нашему секретарю! И не только из-за того, что обманул его человек, которого сам он рассчитывал обмануть, а из-за того, что теперь он невольным обманул даму, в которую был влюблен, будучи уверен, что говорит ей самую правду. Ко всем прочим огорчениям добавилось и то, что, кроме супа, к ужину у них ничего не оказалось. Дамы, которые были раздосадованы не меньше его, верно, сочли бы себя одураченными, если бы по выражению его лица не догадались, что и он горюет о том, что произошло. Кое-как поужинав, но не утолив голода, секретарь в досаде ушел и решил, что коль скоро Бернар дю Га нарушил свое обещание, то и он точно так же вправе нарушить свое. И он отправился к прокурору с намерением очернить Бернара в его глазах. Но он опоздал: Бернар успел уже рассказать прокурору все сам, и тот посоветовал секретарю никогда больше не обманывать гасконца. На том пристыженному секретарю и пришлось успокоиться.

– Так всегда получается с тем, кто, полагаясь на свою хитрость, забывает обо всем остальном, и посему никогда не следует делать другим то, чего не желаешь себе.

– Уверяю вас, – сказал Жебюрон, – что мне самому нередко приходилось видеть, как человек, которого считали и неотесанным и грубым, обманывал человека образованного, ибо глупее всего неминуемо оказывается тот, кто считает себя хитрецом, а умнее всего – тот, который сознает, сколь он ничтожен.

– Разумеется, – сказала Парламанта, – уж если кто-нибудь действительно что-то знает, так это тот, кто уверен, что ничего не знает.

– В таком случае, – сказал Симонто, – мы не будем терять драгоценного времени, и я передаю слово Номерфиде; я уверен, что такая искусная рассказчица, как она, долго нас не задержит.

– Ну что же, – ответила Номерфида, – я расскажу вам такую историю, какой вы ждете. Меня